

ПЕЧАЛЬНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

(По вопросу о церковно-богослужебномъ языкѣ) ¹⁾.

Тяжело видѣть, какъ нѣкоторыя историческія наслѣдства охлаждають и пригнетаютъ настоящую жизнь. Больно становится, когда видишь, какъ люди честные и разумные употребляютъ дарованія своего чувства и разума на защиту уже многими сознанный исторической неправды, вредной для истиннаго блага настоящаго поколѣнія.

Въ нашей церковной жизни есть нѣкоторыя наслѣдства, способствующія съ своей стороны тому печальному явленію, что духъ благочестія и огонь чистой ревности по Богѣ и правдѣ у насъ изсякають. Люди религиозные, вжившіеся въ существующіе порядки церковной жизни, не чувствуютъ, можетъ быть—именно влѣдствіе своей силы, вреда отъ нѣкоторыхъ послѣдствій прошлаго и искренно защищаютъ ихъ, думая, что тѣмъ служатъ Богу. Однако въ дѣйствительности они своимъ авторитетомъ только поддерживаютъ то отжившее, что мѣшаетъ людямъ приблизиться къ Богу и что для слабыхъ является причиной еще большаго религіознаго раз-

¹⁾ Сочувствуя идеѣ статьи, Редакція не можетъ согласиться съ средствами ея осуществленія, рекомендуемыми авторомъ. Изгнаніе древнеславянскаго языка изъ Богослуженія и замѣна его современнымъ русскимъ—слишкомъ важная церковная реформа, которая можетъ породить великое смущеніе умовъ и дать незначительные положительные результаты. Ревнителямъ удобопонятности церковно-богослужебнаго языка ничто не препятствуетъ дѣлать опыты перевода богослужебныхъ книгъ на русскій языкъ и издавать ихъ для *частнаго употребленія въ домахъ* и специально для подготовки къ воспріятію церковныхъ чтеній и пѣснопѣній.

Ред.

слабленія. Ибо имущему дается, а отъ неимущаго „отнимается“. Это—законъ, который налагаетъ на сильныхъ обязанность пощады по отношенію къ слабымъ.

Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ за 1908-й годъ (№№ 26, 27, 28 и 30) помѣщена статья глубокочтимаго профессора В. Θ. Пѣвницкаго „о церковно-богослужебномъ языкѣ“. Трудно, почти совсѣмъ невозможно удержаться, чтобы не сказать своего слова по поводу этой статьи въ защиту сердецъ, чающихъ оживленія потухающаго въ нихъ религіознаго чувства. Да молчаніе въ данномъ случаѣ было бы и несогласнымъ съ сознаниемъ священническаго долга. Однако разумніе истины не можетъ принадлежать кому-либо одному, а достигается взаимнымъ исправленіемъ, братской бесѣдой. Поэтому жаль будетъ, если горечь души не дастъ намъ полной возможности уберечь свое разсужденіе отъ близости къ полемическому тону, съ его самомнительностію и жѣсткостью, что особенно недопустимо по отношенію къ такой маститой и многочтимой личности, какъ В. Θ. Пѣвницкій.

Почтенный профессоръ, вмѣстѣ со многими благочестивыми чадами Церкви, утѣшается тѣмъ, что мы молимся на томъ языкѣ, на которомъ молились наши предки, начиная отъ современныхъ Кириллу и Меѳодію. Но вѣдь это утѣшеніе не существенное; оно относится къ послѣднимъ утѣшеніямъ и можетъ быть цѣнимо за отсутствіемъ другихъ. Значеніе его совсѣмъ теряется, если оно препятствуетъ другимъ, болѣе высокимъ радостямъ духа. И правда: что радостнаго совпадать во внѣшнихъ звукахъ съ молитвою отцовъ и разногласить въ духѣ? А мы несомнѣнно въ этомъ разногласимъ, такъ какъ для предковъ славянскій языкъ былъ живымъ, а для насъ онъ полумертвъ; они горѣли духомъ отъ ярко понятныхъ для нихъ реченій, а мы увядаемъ отъ застарѣлости, уродливости, полумертвенности чуждыхъ уже для насъ слововыраженій и оборотовъ. Предки не давали заповѣди коснѣть въ языкѣ: это противно Богозданной природѣ развитія человѣческаго духа. Зачѣмъ создавать во имя ихъ такія заповѣди, отъ которыхъ они отреклись бы, видя ихъ духовный вредъ для потомковъ? Поклоненіе предкамъ, вредное развитію религіознаго духа, не можетъ быть терпимо въ Церкви...

Проф. Пѣвницкій пишетъ о славянскомъ языкѣ: „люди съ

живымъ религіознымъ чувствомъ относятся къ этому языку, какъ языку священному, съ особеннымъ почитаніемъ, что въ немъ достойную оболочку молитвеннаго духа“. Смѣемъ возразить почтеннѣйшему профессору, что люди съ живымъ религіознымъ чувствомъ, исполненные дарами истиннаго Богопочитанія, не переносятъ религіозныхъ чувствъ на языкъ, не примѣшиваютъ къ религіознымъ отношеніямъ, имѣющимъ своимъ предметомъ только одного Бога, „особеннаго почитанія“ къ языку. Эта примѣсь ведетъ къ буквоклонству. Люди съ живымъ и чистымъ религіознымъ чувствомъ жаждутъ и живого языка, хотятъ и въ словѣ быть живыми, чистыми, искренними, не лживыми, не поддѣльными. Живое чувство не выносить поддѣлки подъ старину. Конечно, религіозное чувство имѣетъ въ разныхъ душахъ разные оттѣнки; и мы не имѣемъ права осуждать любителей славянскаго языка; но зачѣмъ же они не хотятъ понять дѣйствительныхъ потребностей „людей съ живымъ религіознымъ чувствомъ?“ Не любовь къ славянщинѣ съ нашей точки зрѣнія предосудительна, а именно—преувеличенное „особенное почитаніе“ ея и желаніе во имя ея замять и зачернить подлинную потребность живого религіознаго чувства.

А эта потребность начинаетъ ярко и настойчиво сказываться... Люди съ живымъ религіознымъ чувствомъ будто бы чтутъ въ славянскомъ языкѣ достойную оболочку молитвеннаго духа. Г. профессоръ не точно говоритъ, Чтутъ въ такомъ смыслѣ славянскій языкъ люди, у которыхъ религіозное чувство именно нѣсколько (иногда весьма много) отрѣшено отъ жизни. Такому именно чувству соответствуетъ архаическій, неживой словесный нарядъ. Чувство, не проходящее въ живой обиходъ, дѣйствительно, сторонится отъ жизни и ищетъ ходулей и ширмъ именно для того, чтобы не смѣшаться съ ходомъ обычной жизни, не освятить ее, не спасти. Живое же религіозное чувство какъ-разъ наоборотъ—чуждается всякой поддѣлки, ищетъ живой простоты, жаждетъ ближе подойти къ текущей живой дѣйствительности. Мы мыслимъ, чувствуемъ, говоримъ, страдаемъ, жалуемся всегда на своемъ обыденномъ языкѣ, и отъ этого наши чувства не становятся пошлыми или безжизненными, а напротивъ—пріобрѣтаютъ свою естественную живость и силу. Если мы измѣняемъ рѣчь, коверкаемъ ее, становимся

на ходули, то это явный признакъ того, что мы лживы, неискренны, двуличны. Страдающее съ голоду дитя говорить отцу: „отецъ, дай хлѣба“; это—живая молитва. А если сынъ скажетъ: „отче, даждь ми ясти“, отецъ подумаетъ, что сынъ шутить, хотя бы тотъ старался сказать это самымъ трагическимъ тономъ. Для людей живого религіознаго чувства Отецъ Небесный ближе земного; и наряжаться предъ Нимъ въ архаическую рѣчь для нихъ кажется особенно страннымъ и неестественнымъ, противнымъ живому порыву живой нужды и искреннему благоговѣнію. Если принять во вниманіе, что въ славянской рѣчи на ряду съ красотой есть и некрасивыя выраженія, каррикатуры на живой культурный языкъ, то будетъ понятно, почему люди съ дѣйствительно „живымъ религіознымъ чувствомъ“ говорятъ, что въ славянской рѣчи молитвъ они ощущаютъ натяжку, поддѣлку, какъ бы обманный какой нарядъ, съ чѣмъ стыдно предстать предъ лице Отца Небеснаго. И на самомъ дѣлѣ, для живого чувства нестерпимо облекаться въ архаическія неживыя формы; а гдѣ особенно чувство живо и свободно, такъ это именно въ молитвѣ; и если эстетическое чувство не помирится съ переводомъ на славянскій языкъ даже самыхъ возвышенныхъ произведеній нашихъ поэтовъ, художниковъ—писателей или церковныхъ проповѣдниковъ, не говоря уже о государственныхъ ораторахъ, то тѣмъ болѣе огненное молитвенное чувство въ нѣкоторыхъ натурахъ поражается и уродуется отъ совершенно напрасно возведенной въ культъ славяницы при молитвахъ къ Господу. Опять повторяемъ, что для иныхъ людей, по характеру ихъ чувствъ, спасеніе только въ славянскомъ языкѣ. Мы согласны понять и поберечь ихъ чувства. Но будьте же милосерды, поймите же и тѣхъ людей, для которыхъ славяница—нѣчто неблагоговѣйное, дайте же и имъ право имѣть дѣйствительно живую „оболочку молитвеннаго духа“. Снизойдите къ нимъ ради Господа, если для васъ подлинно дороги интересы религіи...

Наши чувства и мысли органически срастаются съ своимъ выраженіемъ, съ словами, со звуками. И, сочетавшись съ одними реченіями, они не могутъ такъ же психологически-законосообразно сочетаться съ другими равносильными. Кто владѣеть нѣсколькими языками, особенно глубоко и горячо

мыслить и чувствуетъ всегда только на какомъ-нибудь одномъ. Слово „землетрясеніе“ глубоко захватываетъ мое воображеніе и чувство; но этого и въ четвертую долю не производитъ славянское „трусъ“. Сильно чувствуется выраженіе „моровая язва“ или „чума“, но гораздо слабѣе славянское „губительство“. Неживые непривычные обороты рѣчи не могутъ производить въ насъ живыхъ чувствъ. Даже если мы хорошо знаемъ языкъ, но разъ мы на немъ не мыслимъ, не чувствуемъ, не говоримъ, онъ не можетъ рождать въ насъ живыхъ движеній духа. Весьма часто, читая славянскія молитвы, мы дѣлаемъ въ умѣ сопоставленія славянскихъ и русскихъ выраженій, переводимъ необычные для насъ обороты рѣчи на русскій складъ, и эта умственная механика, становясь между чувствомъ молящагося и словами молитвы, охлаждаетъ молитвенный порывъ, лишаетъ его живой непосредственности. Иногда между славянскими и соответствующими русскими оборотами и не много разницы, а между тѣмъ въ чувствѣ она ярко подчеркивается. „Спаситель, спаси меня!“—это русское восклицаніе больше трогаетъ сердце, чѣмъ славянское: „Спасе, спаси мя!“ Языкъ—великое и священное дѣло. У меня одна душа, и если я вложилъ ее въ живой, родной языкъ, то чѣмъ одушевить мнѣ устарѣлыя и омертвѣлыя формы славянскаго рѣчія? Для развивающагося духа нуженъ и языкъ постоянно обновляющійся, одухотворяющійся, доступный творческимъ порывамъ духа, а не сковывающій ихъ своими окаменѣлыми формами и строемъ. Прочитайте великій канонъ по-славянски и тотъ же канонъ въ переводѣ прот. Богословскаго, и, если вы чужды предубѣжденности, вы глубоко поскорбите о томъ, сколь многихъ драгоцѣннѣйшихъ живыхъ и свѣтоносныхъ чувствъ мы лишаемъ себя и другихъ (особенно—простыхъ людей) славянскимъ чтеніемъ этого великаго произведенія. Возьмемъ молитвы предъ Причащеніемъ. Вотъ четвертая: „Яко на страшнѣмъ Твоемъ и нелицеприемнѣмъ предстояй судилищи, Христе Боже, и осужденія подъямля и слово твоя о содѣянныхъ мною злыхъ; сице днесъ, прежде даже не пріити дневи осужденія моего, у святаго Твоего жертвенника предстоя предъ Тобою и предъ страшными и святыми ангелы Твоими, преклоненъ отъ своя совѣсти, приношу лукавая моя и беззаконная дѣянія, являяй сія и обличаяй.

Видь, Господи, смиреніе мое и остави вся грѣхи моя: видь, яко умножишася паче власть главы моя беззаконія моя. Кое убо не содѣяхъ зло? кѣи грѣхъ не сотворихъ?...“ Первые фразы молитвы для очень многихъ пропадаютъ совсѣмъ: чтобы ихъ перевести и усвоить, нужно на нихъ не разъ остановиться; а когда останавливаться, если къ нимъ снова и снова прибавляются дальнѣйшія фразы? А между тѣмъ было бы совсѣмъ иное, если передать молитву порусски, приблизительно такъ: „Вотъ я какъ бы на страшномъ и велицепріятномъ Твоемъ судѣ предстою, Христе Боже, принимаю обвиненія и даю отвѣтъ о сдѣланномъ мною злѣ.. Такъ нынѣ, пока еще не пришелъ день моего приговора, стоя у Твоего святаго престола предъ Тобою и предъ страшными и святыми Твоими ангелами, поникнувъ отъ стыда своей головою, приношу я свои лукавыя и беззаконныя дѣла, открываю ихъ и показываю. Посмотри, Господи, какъ я унижился, и прости мнѣ всѣ грѣхи. Посмотри, какъ много моихъ беззаконій: болѣе, чѣмъ волосъ на головѣ. Какого зла я не сдѣлалъ? какого грѣха не сотворилъ?...“ Потрясательная картина, въ простомъ изложеніи доступная и простолюдину и отроку!

Много драгоценныхъ перловъ въ нашихъ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ, канонахъ и молитвахъ, какъ извѣстно, пропадаетъ отъ уродливыхъ и бездарныхъ переводовъ; но много ихъ тускнѣетъ уже отъ одного того, что они вложены въ неживую, славянскую оправу. Въ силу этого обстоятельства, начиная съ младенчества и отрочества и продолжая во всю жизнь до старости, сколько убываетъ чувствъ и одушевленія у пастырей и пасомыхъ, въ нашей частной и общей жизни! Сколько убыло духа у Церкви! Сколько людей не разгадало условности болѣзни и повернуло отъ Церкви, приобрѣтая способность глумиться надъ славянскими выраженіями и оборотами рѣчи!..

Стихотвореніе не можетъ произвести полного эстетическаго впечатлѣнія, если что-либо въ немъ намъ непонятно. Чѣмъ болѣе оно ясно, чѣмъ быстрѣе и непосредственнѣе воспринимается, тѣмъ ярче и глубже оно напечатлѣвается въ сердцѣ. Такъ и молитвы. Мы въ нихъ не должны ничего отгадывать, ибо отгадки—дѣло разсудка, онѣ отвлекаютъ въ сторону. Въ молитвахъ ни на йоту не должно быть темноты,

потому что темнота оупяляетъ чувство или дѣлаетъ его празднымъ. Болѣло ли сердце у насъ объ этомъ? Были ли у насъ прилежныя думы объ этой, одной изъ многихъ, причинѣ упадка религиозныхъ чувствъ и одушевленія въ нашемъ народѣ? Цѣлыя вѣка мы мирились съ явнымъ вредомъ въ нашей религиозной жизни, оставляя темноту, не-правильность рѣчи или неэстетичность оборотовъ и выраженій въ нашихъ молитвахъ, въ этихъ высшихъ, самыхъ дорогихъ и завѣтныхъ, произведеніяхъ духа и слова. Помнится, какъ болѣло уже младенческое и отроческое чувство отъ этихъ диссонансовъ въ молитвахъ и праздничныхъ пѣсняхъ. Дивный праздникъ Христова Воскресенія. Сколько огня, и свѣта, и радости! И вдругъ: „животь даровавъ“. Непонятно было младенческому сознанію и „даровавъ“, но „животь“ прямо-таки поставляло въ тупикъ. Зачѣмъ тутъ „животь“, когда съ этимъ словомъ уже неразрывно связано совсѣмъ другое, грубое представленіе? И чѣмъ больше развивается сознаніе, тѣмъ больше чувствуется анти-эстетичность этого слова въ такомъ смыслѣ и въ такомъ пѣснопѣніи. Пѣснопѣніе—драгоценнѣйшее изъ всѣхъ; моментъ, въ который оно воспринимается, самый горячій и восторженный; поэтому и дѣйствіе диссонанса самое больное, воспринимается прямо-таки какъ религиозное оскорбленіе въ самую благоговѣйную минуту. Это очень вредно; это подтачиваетъ много прекраснѣйшихъ чувствъ; а всѣ эти чувства слишкомъ драгоценны для Церкви: изъ нихъ слагаются „дыханія Духа“, которыхъ такъ мало въ нашей жизни и которыхъ крайне намъ необходимы, особенно теперь, при ожидаемомъ отчаянномъ столкновеніи вѣры и невѣрія. И такихъ „оскорбленій“ у насъ много; и мы боимся ихъ устранить: „какъ бы не поколебать благочестія“...

Языкъ данъ намъ Господомъ для того, чтобы мы въ немъ открывали, а не скрывали наши мысли и чувства. Народъ нашъ всегда былъ темень; не было школъ; храмъ былъ и для многихъ еще и теперь служить единственной школой: и въ этой школѣ, гдѣ преподается незамѣнимая и засушнѣйшая наука, языкъ употребляется для сокрытія познаній и разумнѣйшій; и жаждущій народъ бѣжить въ дебри сектъ... Не говорите объ объясненіяхъ. Ихъ всегда было и будетъ мало, да они и не помогутъ. Если непонятное декадентское

стихотвореніе намъ объяснять, впечатлѣніе все равно потеряно. Стихотвореніе нельзя объяснять: оно само по своей идѣ есть верхъ всякой ясности; иначе оно и не должно существовать. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о „молитвѣ“, этомъ высочайшемъ и нѣжнѣйшемъ произведеніи духа. Еще больше это нужно сказать о молитвѣ для храма, для все-ленскаго употребленія. И младенцы, и старцы, и рабочая женщина, и простолюдинъ придутъ ее слушать и по ней учиться; и не извѣстно, въ какой моментъ и въ какой именно возрастъ дорога молитва, когда впечатлѣніе отъ нея ляжетъ въ сердце неизгладимо на всю жизнь?.. И цѣлые вѣка нашему народу было „темно“ въ храмѣ. И какимъ же онъ темнымъ самъ остался, и какой же звѣрь начинаетъ иногда въ немъ просыпаться!.. Это великое упущеніе, при мысли и объ иныхъ роковыхъ упущеніяхъ, мучительнымъ гнетомъ тяготать совѣсть многихъ пастырей...

Конечно, есть красота и жизнь и въ славянскомъ языкѣ; конечно, есть природы, вжившіяся въ славянское богослуженіе и въѣ его безсильныя возбудить свои религіозныя чувства. Конечно, наше славянское Богослуженіе—великая святыня, несравненное наслѣдство. Конечно, привычка—великая сила, а въ области высшихъ чувствъ она особенно дорога. Все это такъ. Сверхъ того—есть религіозныя природы, которымъ ничто не можетъ повредить, но все служитъ ко благу. Однако, много ли такихъ натуръ? Жизнь намъ показываетъ иное. Мы видимъ, что многого лишаются въ Богослуженіи тѣ, кто основательно не освоился со славянскимъ языкомъ; но, съ другой стороны, не видимъ полного благополучія и у тѣхъ, кто слишкомъ сжился съ нимъ. На самомъ дѣлѣ, возьмемъ одного изъ тѣхъ, для кого церковный языкъ сдѣлался привычнымъ, какъ бы своимъ. У такого человѣка будетъ два привычныхъ языка. Отсюда—два привычныхъ настроенія: одно въ храмѣ, другое въ жизни. Между ними полагается грань, и жизнь церковная не вливается въ нужной мѣрѣ въ мірскую. Церковь—нѣчто особенное, жизнь—другое. Для церкви нужны и другой языкъ, и другое настроеніе. Религія отодвигается изъ жизни за величественно-красивыя ширмы, и жизнь лишается души, освященія, религіозной правды. Двуязычіе всегда было синонимомъ двоедушія, непоследовательности, лицемерія. А

между тѣмъ христіанинъ долженъ быть однимъ и тѣмъ же вездѣ: и въ храмѣ и среди житейской борьбы. Его слово должно всегда дышать благодатью, настроеніемъ благоговѣйнаго сердца, духомъ и идеями вѣчности. Языкъ церкви долженъ быть и языкомъ жизни.

Въ цѣляхъ бѣльшей жизненности Богослуженія и бѣльшей священности жизни нѣкоторые епископы и весьма многіе священники заявляли о желательности или прямо о необходимости замѣны церковно-славянскаго языка въ Богослуженіи русскимъ. Неужели это заявленіе не серьезное? Неужели заявлявшіе слѣпы или недобросовѣстны, исповѣдуя свое мнѣніе вслухъ всей церкви, предъ лицомъ Господа и Христа, Которому они со всецѣлой преданностію служатъ? Но однако почтенный профессоръ, констатируя эти внушительныя заявленія, рѣшается написать слѣдующее: „Стремленіе къ этому новшеству въ извѣстной части нашего общества и духовенства косвеннымъ образомъ вызвано современнымъ реформаціоннымъ движеніемъ. Реформаторская тенденція, какъ эпидемія, овладѣла умами... и между другими вопросами... добрались и до вопроса о церковно-богослужебномъ языкѣ“. Зачѣмъ эта неправда, зачѣмъ обобщеніе разныхъ тенденцій, зачѣмъ комокъ незаслуженной грязи въ народившееся чисто-религіозное движеніе? Зачѣмъ подставлять маленькіе ребяческіе мотивы тамъ, гдѣ предъ нами—глубокое церковное теченіе? Смѣемъ, по священству, увѣрить почтеннаго профессора, что уже лѣтъ тридцать тому назадъ были дѣти въ духовныхъ семьяхъ, которые, слушая горячія и горькія, но робкія рѣчи отцовъ и другихъ родныхъ священниковъ, указывавшихъ болѣзни, отъ которыхъ упадаетъ живое одушевленіе въ Церкви, со слезами горя и восторга на глазахъ мечтали о томъ, какъ они отдадутъ себя Церкви, какъ соберется соборъ, какъ скажутъ смѣло всю правду, какъ не посмѣютъ покрыть ее крикомъ враги ея и какъ отрадно вздохнуть эти отцы, жаждущіе служить Богу со всѣмъ пыломъ одушевленія и подрываемые насильно, давленіемъ многихъ обстоятельствъ, въ самомъ корнѣ своихъ стремленій. Думается, что такихъ дѣтей, отроковъ и юношей *очень давно* не мало было по нашимъ училищамъ, семинаріямъ и академіямъ. Можно сказать даже больше: мы имѣемъ дѣло съ теченіемъ, назрѣвавшимъ по крайней мѣрѣ *стольтіе*.

Почему же это движеніе только теперь проявляется? Да потому, что раньше объ этомъ не смѣли говорить. Говорили по угламъ, оглядываясь. Да почтенный профессоръ знаетъ, что и теперь церковному голосу трудно живется. Правда, крикъ больного сердца и звукъ долго задушавшагося голоса могутъ быть диковатыми и рѣзкими; но нужно имѣть хоть кому-нибудь столько благородства, чтобы не чернить безосновательными подозрѣніями болѣзненныхъ вибрацій этого голоса, исцѣляющагося отъ теплоты христіанскаго сочувствія. Нужно видѣть тренеть духовенства, которое знаетъ болѣзнь, жаждетъ исцѣленія Церкви, но сковано неодолимымъ, теперь—можетъ быть—и преувеличеннымъ, страхомъ предъ словомъ правды,—нужно видѣть это, чтобы не стараться усилить на лицѣ его „выраженіе тупого терпѣнія и бессмысленный вѣчный испугъ“. Покаяніе невозможно безъ обновленія жизни. Но едва мы заявляемъ о необходимости, ради спасенія душъ человѣческихъ, нѣкоторыхъ далеко не самыхъ существенныхъ „новшествъ“, какъ вотъ уже и благородный профессоръ подбираетъ слова: „реформаторская тенденція“, „эпидемія“, „добрались“... Чего же ждать отъ грубыхъ и малопросвѣщенныхъ натуръ? У насъ стоитъ только съ болью сердца сказать о необходимости покаяннаго обновленія, указать раны Церкви и попросить братскаго отвѣта и сочувствія, какъ уже можно ждать и подозрѣній, и глумленій, и грозы. Правда, за церковныя обновленія берутся иногда люди, необновленные въ своемъ собственномъ духѣ; обновленія особенно ревностно проповѣдуютъ и проектируютъ даже люди чуждые Церкви; даже невѣрующіе политики, эти двусмысленные и своекорыстные друзья; но неужели изъ-за этого можно препятствовать развитію подлинно - церковной жизни въ самый критическій для нея моментъ? А у Церкви есть именно такіе опасные защитники; они такъ же не „обновлены“ въ духѣ Церкви, они такъ же исполнены маловѣрія и своекорыстія; но многіе изъ нихъ и искренно „говятъ Церковь Божию“ по невѣдѣнію, „будучи неумѣренными ревнителями отеческихъ преданій (Галат. 1, 13, 14)“. Такіе бессознательные враги духа церковнаго, одѣвшисъ въ тогу его защитниковъ, но совершенно его чуждые, не могутъ его узнать и на ряду съ поддѣлками, съ зазорными плевелами, душать и его вѣжливѣйшіе проблески. При такихъ затруднительныхъ

для Церкви обстоятельствахъ очень рискованно безъ разбора кидать обидныя и неосновательныя подозрѣнія. Если мы, по священнической совѣсти, разумѣемъ благо пасомыхъ по своему, несогласно съ традиціей или съ мнѣніемъ того или другого писателя или профессора, то неужели насъ нужно осуждать и поносить? Вѣдь драгоцѣнно только существо дѣла, и говорить надобно только о немъ. Если мы, по вашему мнѣнію, говоримъ неправду, то будьте милосерды— скажите намъ это по-братски и разъясните правду. Зачѣмъ же прямо „по ланитамъ?“

Впрочемъ,—честь профессору: онъ не подалъ руки сикофантамъ, противникамъ церковнаго одушевленія, онъ самъ сильно ограничилъ свои подозрѣнія. Онъ говоритъ: „косвеннымъ образомъ“ (не стойло и останавливаться на томъ, что составляетъ косвенную частность), а потомъ: „но это новшество готовы рекомендовать многіе и ревностные представители Церкви, руководясь, конечно, добрыми намѣреніями“. Спасибо. Это—правда. И довольно. Стыдно пусть будетъ сикофантамъ, противящимся Духу Божію и оуждающимъ проснувшееся покаянное сознаніе многіхъ ревностныхъ представителей Церкви, ужаснувшихся тѣхъ человѣческихъ ошибокъ и произвольнаго безсилія, какими было окружено въ нашей повседневной жизни драгоцѣннѣйшее и вѣчное наслѣдство Новаго Завѣта, ввѣренное имъ Единороднымъ отъ Отца.

Но профессоръ говоритъ однако, что „новшество“ это кажется ему „напраснымъ“ и „опаснымъ“. Но это потому, что обязанность „паси овцы Моя“ ему менѣе близка, чѣмъ стоящимъ на чредѣ паствы. Не за себя они говорятъ. Мы довольны и старыми формами. Если бы Литургія была переведена на арабскій языкъ, то и тогда положенная въ основу ея мысль Господа Иисуса Христа, съ абсолютной яркостью выраженная и въ Его словахъ: „сія есть тѣло Мое“... „сія есть кровь Моя“... и въ наглядной, осязательной и вкушаемой трапезѣ Его изумительнаго таинства, навсегда останется для насъ безгранично и блаженно потрясательной, могущественнѣйшей въ своемъ спасительномъ вліяніи на душу. Мы говоримъ за слабыхъ. Ради врученныхъ намъ овецъ мы утверждаемъ ту, дознанную опытомъ и жизнью, истину, что совсѣмъ напрасно и очень опасно коспѣтъ въ условной

человѣческой старинѣ. Нѣкоторые не выросли, имъ необходимо воспитаться въ прикровенномъ славянскомъ Богослуженіи. Избави Богъ, чтобы мы поспособствовали тому, чтобы отнять его у нихъ. Но другіе духовно загибаютъ отъ недостатка живого, яркаго, безусловно яснаго и простаго словеснаго служенія Господу. Грѣшно не позаботиться о томъ, чтобы оно было дано имъ.

Многоуважаемый профессоръ ссылается на консерватизмъ религіознаго чувства въ отношеніи къ священнымъ вещамъ, съ какими онъ сопоставляетъ и церковно-богослужебный языкъ. Это общеизвѣстно; но вѣдь дѣло въ томъ, что ревнивое и благоговѣйное отношеніе къ святымъ вещамъ бываетъ совсѣмъ разнаго характера. Одному консерватизму мы посочувствуемъ, другой осудимъ. Если благоговѣйное чувство къ святымъ вещамъ вполнѣ гармонируетъ съ духомъ вѣры и способствуетъ его развитію, то такое чувство—обязанность благочестія. Если же во имя почитанія вещей приносятся духовныя жертвы, и служеніе Богу „духомъ и истинно“ терпитъ явный ущербъ, то—очевидно—мы имѣемъ дѣло съ вещепоклонствомъ.

Свящ. Дим. Силинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
